

ЕВРОПА – РОССИЯ – СИБИРЬ: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

УДК 327(94.4)

ЧЕМУ НАУЧИЛАСЬ И НЕ НАУЧИЛАСЬ ЕВРОПА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 100 ЛЕТ¹

А.А. Громыко

Сравниваются события, происходившие в Европе в начале XX и XXI вв. В 2014 г. во всем мире и в Европе отмечают столетие начала Первой мировой войны. Многие исследователи полагают, что 1914 г. был поворотным в европейской истории. Часто само начало XX в. относят к 1914 г. Конец XX в. часто определяют 1991 г., когда распался СССР, и закончилась холодная война. А.А. Громыко полагает, что «короткий XX век» предлагает важные уроки для сегодняшних европейских историков и политиков.

Ссылаясь на недавние исследования европейских ученых, А.А. Громыко подчеркивает сходство конфликтов в начале XX и XXI вв. Автор полагает, что сегодня безопасность Европы зависит от того, какое место займет Россия в новой Европе. Подобно Германии в XX в., сегодня место России и ее отношения с европейскими странами будут определять вопросы войны и мира в Европе.

Автор анализирует развитие Европы в течение «короткого» XX в. и доказывает, что Европа по-прежнему далека от идеалов безопасности и справедливости, несмотря на оптимистические заявления о роли Европейского союза в предотвращении войн. Напротив, по мнению А.А. Громыко, сегодня Европа разделена, как и столетие назад, а «европоскептицизм» преобладает среди простых европейцев. Текущий кризис в Украине создал новую ситуацию, в которой, по убеждению автора, Европа должна опираться на уроки прошлого и выбрать «долгий мир» в противоположность большой войне.

Ключевые слова: Европа, Россия, мир и война, международные отношения.

Столетие начала Первой мировой войны – одного из самых драматичных и судьбоносных событий в истории XX в. – вспоминают и широко отмечают в Европе и по всему миру. Уже давно в исторических исследованиях за ним закрепилось название «короткого», отводя 1914 г. роль не календарного, а фактического начала столетия. Конечно, с этим можно спорить, указывая на то, что та великая война разразилась не в результате трагичного стечения обстоятельств или цепи случайностей, а долго вызревала в недрах мировой политики, была продиктована объективными причинами конкуренции великих держав. Но бесспорно то, что 1914 г. стал символической точкой отсчета нового периода европейской истории, рождения мира, принципиально не похожего на предыдущий.

¹ Данная статья представляет собой текст выступления А.А. Громыко на Международной научной конференции «Россия и ЕС: взаимодействие в сфере науки и образования. Россия и ЕС на пространстве Евразии», ТГУ, 19–21 мая 2014 г.

Масштаб того события был настолько грандиозным, причины, его вызвавшие, настолько многослойными, что историки до сих пор спорят о его природе, генезисе, значении и последствиях. Как часто бывает со знаковыми датами, воспоминания о них, их переоценка ставят вопрос об уроках истории, их злободневности. Чему может научить Первая мировая война Европу сто лет спустя? Вопрос далеко не праздный. Круглые даты всегда подталкивают к тому, чтобы проводить параллели между прошлым и настоящим. Однако в случае событий начала XX в., действительно, напрашивается немало аналогий при размышлениях о нынешнем состоянии Старого Света.

Мыслям об этом способствуют и новые крупные исследования, приуроченные к скорбной юбилейной дате. В английской литературе среди них хотелось бы выделить монографию профессора Кембриджского университета Кристофера Кларка «Лунатики: как Европа пришла к войне в 1914 году» и книгу профессора Оксфордского университета Маргарет Макмиллан «Война, прервавшая мир: дорога к 1914 году» [1, 2]. Содержащийся в них анализ положения дел в Европе в начале XX столетия демонстрирует, что, во-первых, Европа пала жертвой противостояния нескольких центров силы и отсутствия общеевропейской системы безопасности и, во-вторых, что личностный, субъективный фактор в истории играет огромную роль.

Не напоминает ли Европа 2014 г. все больше Европу 1914 г.? Чем, например, Украина – не Балканы сегодняшнего дня как потенциальный фитиль большой войны? Эскалация событий на Украине произошла по историческим меркам мгновенно, приведя к новой гражданской войне в центре Европы – перспектива, которая после войн в Югославии казалась больше невозможной. Чем сами современные Балканы, как и сто лет назад, не её потенциальный детонатор, расположенный, например, в Боснии и Герцеговине? Чем «замороженные конфликты» в Молдавии и Закавказье не воронка для возможного втягивания в противостояние друг с другом целого ряда соседних стран и не только? Не избежала ли уже история, к счастью, срыва в широкомасштабное столкновение между великими державами, например, в результате броски российских десантников в аэропорт Приштины в июне 1999 г. или в августе 2008 г. в Грузии?

Если следовать логике «короткого века», XX столетие можно назвать вдвойне коротким, отмеряя его продолжительность лишь до 1991 г., как другой знаковой датой. Но так ли это? С рубежным значением 1914 г. трудно спорить, но и трудно согласиться с тем, что последствия распада Советского Союза и уход в прошлое биполярного мира укладываются в короткий временной промежуток рубежа 1980–1990-х гг. Скорее обратное – те события стали лишь началом трансформаций на громадном евразийском пространстве – процесса, который принадлежит XX в. и который, на самом деле, может сделать действительно коротким уже новое столетие.

Представляется, что последнее содержательно, а не календарно начнется по-настоящему только тогда, когда геополитические плиты, пришедшие в движение с исчезновением СССР, вновь обретут относительный покой. Пока же то, что происходит на постсоветском пространстве и в Юго-Восточной Европе, олицетворяет не новый период истории, а попытки Старого Света решить главную проблему второй половины прошлого столетия – объедине-

ния Европы на основе единой системы безопасности и союзнических отношений. И те политики и политические силы, которые до сих пор противятся этому и призывают призраков холодной войны вновь обрести плоть, лишь отдаляют настоящее начало XXI в.

Конечно, никакие крупные процессы в истории не заканчиваются и не начинаются одномоментно, и новое всегда вызревает в глубинах старого. Вероятно, последние два с половиной десятилетия представляют собой одновременно доживание XX столетия и рождение новой эпохи. Пока эти два исторических ряда переплетены настолько тесно, что трудно отличить одно от другого. До сих пор не решенной проблемой, доставшейся от прошлого, является место России в Большой Европе. Последняя сейчас фактически представляет собой «постверсальскую Европу» календарного начала XXI века. Только в отличие от первой трети его предшественника сейчас признание достойного места и роли на ее пространствах требуется уже не для Германии, а для России.

С другой стороны, процессом новой природы является, безусловно, эволюционный, постепенный переход мира к полицентричной системе международных отношений. Такую полицентричность часто сравнивают с «концертами держав» XIX столетия. Одни видят в этом добрый знак, другие бьют тревогу. Первые указывают на то, что тогда баланс сил великих держав, особенно тот, что утвердился после Венского конгресса 1814–1815 гг., способствовал установлению в Европе длительного периода относительного спокойствия; другие, напротив, опасаются, что ставка на эту концепцию может, в конце концов, привести к повторению пройденного, к новому 1914 г.

Можно ли назвать утверждающийся полицентризм начала XXI в. новым изданием давно ушедших в прошлое «концертов держав»? И да, и нет. Многополярность и тогда, и сейчас роднит то, что не существует одного или двух гегемонов, которые могут диктовать свои условия всем остальным, сила и влияние в мире становятся всё более расплывчатыми. Однако есть и принципиальные несовпадения. В отличие от XIX столетия международные отношения окончательно перестают быть европоцентричными, о себе всё громче заявляют внеевропейские центры силы и влияния. На второй план ушли и силовые методы решения тех или иных международных проблем; большинство стран мира, включая европейские, ориентируются в достижении своих целей на использование «мягкой силы». Наконец, после 1945 г. была создана мощная и разветвленная система международного права, опирающаяся на деятельность Организации Объединённых Наций, которая не повторила судьбу Лиги наций, а превратилась в стержень мировой политики, лучше и эффективнее которой с точки зрения мирового управления и регулирования человечество пока ничего не изобрело.

Период истории, начавшийся в 1914 г., можно во многом сравнивать со временем после 1991 г. Война, разразившаяся сто лет назад, по мнению многих историков, включая Уинстона Черчилля, не была Первой, и не закончилась в ноябре 1918 г. То был первый этап новой «тридцатилетней войны», конец которой положил лишь 1945 г. Центральной проблемой того исторического отрезка времени были судьбы Германии. Можно утверждать, что в истории Европы последних 25 лет стоял и продолжает стоять вопрос о судьбах

России. Без его решения век XX не закончится, а век XXI не начнётся. Распад Советского Союза не привёл к таким катастрофическим последствиям с точки зрения человеческих жертв, как начало Первой мировой войны. Хотя надо помнить, что на счету этого распада десятки тысяч погибших и миллионы пострадавших. Вопрос в том, будет ли Европа, в отличие от себя самой сто лет назад, решать проблему нового непризнанного Левиафана не путём скатывания к конфронтации и, возможно, к большой войне, а путем установления большого мира.

Пока же начало XX и XXI вв. больше напоминают друг друга, чем отличаются. В обоих случаях Старый Свет прошёл через эйфорию в отношении своего будущего. Сто лет назад Европа была в зените своего могущества, большая часть мира была поделена между европейскими империями, технологические новшества трансформировали жизнь человека, экономика повсеместно быстро развивалась, и XX в. должен был стать для Европы триумфальным и исключительно благополучным. Как ни парадоксально, пик воодушевления в Европе пришёлся на первые месяцы войны, которая была восторженно встречена публикой. Разочарование наступило быстро. Симптоматичным стал выход в 1918 г. книги О. Шпенглера «Закат Европы» – реквием по западной цивилизации. 1920-е гг., отмеченные хронической безработицей, сменились Великой депрессией. В 1930 г. публикуется «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассета – реквием по западной культуре.

Старт нового тысячелетия сопровождался эйфорией, связанной с ожиданиями превращения Евросоюза в лидера XXI столетия. Как триумф воспринималось мегарасширение 2004 г. за счёт стран Восточной Европы, Кипра и Мальты. ЕС находился в предвкушении принятия Евроконституции и новых волн расширения. Продолжался беспрецедентный по длительности период экономического роста. Казалось, что ЕС вот-вот обретёт настоящую политическую субъектность на фоне разногласий с внешней политикой США и складывания формата «большой тройки» России, Франции и Германии. Для исследований о Евросоюзе были характерны названия «Европейская мечта: как европейское видение будущего затмевает американскую мечту» [3], «Почему Европа будет первенствовать в XXI веке» [4], «Европейская сверхдержава» [5]. Однако, как и сто лет назад, дальнейшие события привели к тому, что эйфория сменилась пессимизмом, унынием, ощущением безысходности, истощенности, потерей ориентиров. В 2008 г. Европа оказалась ввергнута в тяжелейший экономический кризис за всю её послевоенную историю.

Начала столетий сближает и то, что Европа была тогда и остаётся сейчас разделённой, фрагментированной. Современный хрупкий баланс сил, как карточный домик, рухнет то в Грузии, то в Боснии и Герцеговине, то на Украине. Тлеют конфликты в Приднестровье и Нагорном Карабахе. Фасад относительной стабильности прикрывает рост социально-экономического неравенства, опросы общественного мнения регистрируют небывалый рост недовольства. По данным Евробарометра, в ноябре 2013 г. ЕС не доверяли 58% граждан его стран-членов (включая 59% немцев, 62% итальянцев, 63% французов, 67% британцев, 71% испанцев). Как никогда за историю западноевропейской интеграции сильны евроскептические настроения, поднимают голову ксенофобия и национализм. Особенно сильны антироссийские настроения.

Перед лицом не игрушечного, а реального сепаратизма стоят Испания, Бельгия, Британия.

Параллели напрашиваются и в том, что мировая политика вновь бросает вызов европоцентризму. Практически во всех регионах мира новые «поднимающиеся державы» держат курс на самостоятельную роль в международных отношениях. Тогда это были в первую очередь Япония и США, теперь – Китай, Индия, Бразилия, Турция, Иран и др. Первая мировая война, несмотря на триумф Франции и Британии, стала началом конца европейского экспансионизма. Теперь широкое хождение получил термин «усталость от расширения».

Обеспокоенность вызывают и аналогии, связанные с готовностью ряда европейских стран к использованию силовых методов решения региональных проблем. В 1911 г. Италия начала военные действия против Османской империи в Ливии (тогда – Триполитания и Киренаика). За ними последовали две Балканские войны, которые стали уже непосредственной предтечей Первой мировой. Сто лет спустя, в 2011 г., Италия, Франция, Британия и ряд других стран предпринимают военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии на стороне антиправительственных сил. В сентябре 2013 г. в одном шаге от повторения такого же сценария история остановилась в Сирии.

Конечно, исторические эпохи, разделённые целым столетием, имеют неповторимые черты, разнятся, по крайней мере, не меньше, чем напоминают друг друга. В отличие от начала XX в. фундаментальная «новация» Новейшего времени – фактор ядерного оружия, мощное сдерживающее средство в отношениях между великими державами. Судя по всему, и в новом столетии оно будет играть не меньшую роль. Уникальность нашего времени заключается и в интеграционных региональных проектах, в первую очередь в лице Европейского союза, природа которого исключила войну как средство решения разногласий между его участниками.

Но отличия двух эпох не обязательно «работают» на стабильность. Так, в разрез с сегодняшним днём тогда на динамику внутриевропейских дел значительного влияния не оказывали внешние факторы. Теперь же геополитические и геоэкономические интересы США в Европе могут вести к усугублению конфликтов, а не к их разрешению, яркими примерами чего служат события в Закавказье в 2008 г. и на Украине в 2014 г.

Новая тенденция, вызывающая большое беспокойство, – увлечённость политических классов Запада поддержкой революционных процессов, а чаще – насильственной сменой политических режимов. Большую часть XX в. Советский Союз был глашатаем революций как мотора исторического прогресса. Теперь же стороны словно поменялись местами, и ведущие западные столицы воодушевлённо приветствуют свержение того или иного правителя, причём вне зависимости от степени его легитимности. Так, 21 февраля 2014 г. официальные представители Парижа, Берлина и Варшавы участвуют в подписании соглашения между В.Ф. Януковичем и лидерами оппозиционных партий, тем самым признавая легитимность украинского президента, но уже через несколько дней приветствуют вооружённый переворот в Киеве. Такие подходы и методы ничему, кроме правового нигилизма, потворствовать не могут.

При сравнении начальных периодов двух столетий расходятся и положения дел в сфере демократизации европейского общества. Сто лет назад происходило «восстание масс», не имеющее аналогов по своему масштабу вхождение людей в политику, создавались массовые политические партии, профсоюзные движения, на авансцену общественной жизни впервые выходили миллионы избирателей. Теперь же в Европе один из основных рефренов политического дискурса – проблема политической апатии, демократического дефицита, потери доверия между политической надстройкой и низами, схлопывание массовых партий в кадровые. Широкие слои населения разочарованы политикой и уходят из неё. А многие из тех, кто остаётся, используют механизмы представительной демократии для выражения своего протеста, а не поддержки правительств, парламентов и президентов.

Поверхностны ли параллели между началом XX и XXI вв. или за ними стоят реальные и глубинные процессы? В чём злободневность опыта Первой мировой и всей эпохи «тридцатилетней войны» для нашего времени? Насколько мышление политиков за последние сто лет совершенствовалось так же быстро, как технологии? События последних лет – кризисы и войны как в самой Европе, так и вокруг неё – не вызывают исторического оптимизма. Фактически рухнуло одно из самых больших государств Старого Света – Украина. Отношения России и ЕС, России и НАТО переживают наихудшие времена после распада Советского Союза.

Однако думается, что слишком велики были жертвы, понесённые Европой в двух мировых войнах, слишком ценит она своё благосостояние, обрётённое с таким трудом за последние 70 лет, слишком далеко зашли процессы европейской интеграции и слишком неприемлема для европейского обывателя и налогоплательщика война как статья расходов его средств, чтобы в этом история в её наихудшем проявлении повторилась. Здравый смысл рано или поздно возьмёт верх, и в Старом Свете установится большой мир, каким бы далёким он ни казался на фоне дымящегося Славянска.

Литература

1. *Clark Christopher*. The Sleepwalkers: How Europe went to war in 1914. – New York: HarperCollins Publishers, 2013. – 736 p.
2. *MacMillan Margaret*. The war that ended peace: the road to 1914. – New York: Random House, 2013. – 784 p.
3. *Rifkin Jeremy*. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. – Cambridge, UK: Polity, 2004. – 448 p.
4. *Leonard Mark*. Why Europe will run the 21st century. – London, New York: Public Affairs, 2005. – 278 p.
5. *McCormick John*. The European Superpower. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 256 p.

Поступила 3 июня 2014 г.

Gromyko Alexey Anatolievich, Institute of Europe, Russian Academy of Science (Moscow, Russia).
WHAT EUROPE HAS LEARNED AND HAS NOT LEARNED IN THE LAST HUNDRED YEARS.

Key words: Europe, Russia, peace and war, international relations.

This article compares events that occurred in Europe at the beginning of both the 20th and 21st centuries. Many researchers consider 1914 to be an important point in European history. Indeed, often

the beginning of the 20th century is considered to be that year, and in 2014, the 100th anniversary of the First World War was widely commemorated in Europe and across the world. Similarly, the end of the century is often referred to as 1991, when the USSR collapsed and Cold War ended. Gromyko therefore argues that the "short XX century" offers important lessons for today's European historians and politicians.

Referring to recent European books, he reveals great similarities between conflicts at the beginning of the 20th Century and the beginning of the 21st. He believes that today European security depends on how successfully Russia is integrated in contemporary Europe. Just as was the case with Germany in the 20th century, Russia's relations with European countries will determine the difference between peace and war in Europe.

Furthermore, Gromyko evaluates the development of Europe in the "short" twentieth century and argues that Europe is far from secure and just despite an enthusiastic belief among member states that the European Union project can prevent war. In contrast, he argues that Europe is as divided now as it was a hundred years ago and that Euroscepticism is the predominant position for the majority of Europeans. The current crisis over Ukraine has created a new and dangerous situation, but the author maintains that Europe should learn from its past and choose "lasting peace" rather than war.

References

1. Clark Ch. *The Sleepwalkers: How Europe went to war in 1914*. New York: HarperCollins Publishers, 2013. 736 p.
2. MacMillan M. *The war that ended peace: the road to 1914*. New York: Random House, 2013. 784 p.
3. Rifkin J. *The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream*. Cambridge, UK: Polity, 2004. 448 p.
4. Leonard M. *Why Europe will run the 21st century*. London, New York: Public Affairs, 2005. 278 p.
5. McCormick J. *The European Superpower*. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 256 p.